Через месяц белорусская делегация во главе с В. Ластовским вновь участвовала в работе 3-й конференции народов в Лозанне. В меморандуме, составленном на основе реферата А. Луцкевича «Злучаныя Штаты ад Балтыкі да Чорнага мора» и представленном делегатами на конференцию, содержалась концепция, согласно которой после Первой мировой войны предлагалось создать экономический и политический блок, в который бы вошли независимые Беларусь, Литва, Латвия и Украина[29]. На конгрессе было также зачитано обращение белорусской делегации к «цивилизованным» народам с просьбой «обеспечить Беларуси политические и культурные права, которые позволили бы белорусскому народу стать хозяином на собственной земле».

Однако это и вышеуказанные заявления белорусских делегатов были обречены, поскольку правительствам стран Антанты нужна была Российская империя, которая бы и дальше продолжала войну с Германией и ее союзниками. К тому же они полностью поддерживали устремления русской буржуазии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Новая история. Второй период / под ред. Е. Е. Юровской, И. М. Кривогуза. 1984. С. 269.
[2] *Glass G.* Wieder den Strom. Leipzig, 1932. S. 341.
[3] См.: «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918. М., 1977. С. 195.
[4] См.: *Мигун Д. А.* Германия и Беларусь: уроки истории (1914–1922 годы). Минск, 2001. С. 6.
[5] См.: *Нотович Ф. И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947. С. 6.
[6] См.: Экономика Белоруссии в эпоху империализма / под ред. Г. Т. Ковалевского и др. Минск, 1963. С. 224, 229.
[7] См.: *Тимошенко В. В.* Была ли Белоруссия при царизме колонией в экономическом смысле // История СССР. 1965. № 1. С. 46.
[8] См.: Экономика Белоруссии в эпоху империализма… С. 225.
[9] См.: Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 8593. Л. 55.
[10] См.: *Бабков А. М.* Политика германского империализма в Белоруссии в годы первой мировой войны : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 1983. С. 11.
[11] См.: *Мигун Д. А.* Указ. соч. С. 11.
[12] См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8593. Л. 61, 81, 408.
[13] Там же. Л. 451.
[14] См.: Экономика Белоруссии в эпоху империализма… С. 228.
[15] Там же. С. 228–229.
[16] См.: *Тимошенко В. В.* Роль банков в льноторговле дореволюционной России (1900–1914) // Вопросы развития народного хозяйства Белоруссии и Прибалтики. Минск, 1962. С. 155.
[17] *Теодорович И. М.* Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке // Первая мировая война. М., 1968. С. 119–120.
[18] См.: «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918. М., 1977. С. 194.
[19] *Теодорович И. М.* Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке // Первая мировая война. М., 1968. С. 119.
[20] «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы… С. 207.
[21] Там же. С. 195.
[22] *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Dusseldorf ; Droste, 1961. S. 114–115.
[23] *Новикова И. М.* «Национальный фактор» во внешней политике Германии в годы Первой мировой войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 22 крас. 2004 г.). Мінск, 2004. Вып. 3. С. 154.
[24] Там же. С. 156.
[25] Там же.
[26] См.: НАРБ. Ф. 2499. Оп. 1. Д. 299. Л. 2.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] См.: *Луцкевіч А.* Злучаныя Штаты ад Балтыкі да Чорнага мора // Свабода. 1990. № 2. С. 5–7.

Поступила в редакцию 10.09.2014.

Николай Борисович Щавлинский – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, мировой и отечественной культуры факультета технологий управления и гуманитаризации Белорусского национального технического университета.

УДК 940.5:33

Е. А. ГРЕБЕНЬ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕМЕЦКИМИ ОККУПАНТАМИ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

На основе материалов областных архивов рассматривается процесс эксплуатации немецкими оккупационными властями материальных ресурсов гражданского населения Беларуси. Отмечается, что помимо интенсивной эксплуатации промышленности и сельского хозяйства, природных и трудовых ресурсов Беларуси оккупационные власти стремились находить иные источники получения материальных ценностей. Показано, как в условиях резкого ухудшения положения гражданского населения немецкие оккупационные власти перекладывали решение социальных проблем на самих же жителей захваченных территорий. Коллаборационная администрация инициировала сбор добровольных пожертвований для сирот, инвалидов, военнопленных. Делается вывод о том, что имеющиеся у граждан материальные ценности регулярно реквизировались для нужд германской армии. В обязательном порядке изымалось военное имущество, пользование которым в условиях дефицита промышленных товаров могло быть единственным выходом для многих граждан.

Ключевые слова: Беларусь; нацистская оккупация; гражданское население.

The process of exploiting material resources of the civil population of Belarus by the Nazis is regarded in the article on the basis of materials from regional archives. In addition to intensive use of industry and agriculture, natural and labor resources of Belarus, the occupation authorities sought to find other sources of wealth. In the context of a sharp deterioration in financial position of the civilian population, the German occupation authorities left the solution of social problems to the inhabitants of the occupied Belarus themselves. Collaborative administration initiated fundraising for orphans, disabled people, and prisoners of war. Tangibles kept by the citizens were regularly requisitioned for the needs of the German army. Military property was compulsorily withdrawn, although it could have been the only way to survive for many people in the time of the industrial goods shortage.

Key words: Belarus; the Nazi occupation; civilians.

Характеризуя экономическую составляющую нацистского оккупационного режима в Беларуси, исследователи традиционно акцентировали внимание на промышленности и сельском хозяйстве, трудовой политике[1]. В то же время экономическая политика нацистов не ограничивалась указанными аспектами. Введение в научный оборот новых архивных источников позволяет расширить представление об их оккупационной политике. Целью статьи является реконструкция механизма использования немецкими оккупационными властями материальных ресурсов гражданского населения Беларуси.

Интенсивно эксплуатируя промышленность и сельское хозяйство, природные и трудовые ресурсы Беларуси, оккупационные власти стремились находить и иные источники получения материальных ценностей. Помимо денежных и натуральных налогов с работающего населения были введены различные сборы. Например, в Тереховском районе осенью 1941 г. за выдачу справок взимался гербовый сбор в размере 1 руб.[2] На основании постановления начальника Лепельского района с 01.04.1942 г. за услуги учреждений и организаций вводилась оплата в форме денежных сборов: канцелярский сбор со всех подававшихся в письменном виде прошений, заявлений (до 3 руб.); сбор за выдачу удостоверений личности (5 руб.); сбор за регистрацию актов гражданского состояния (за выданную справку – 3 руб., запись о рождении или смерти – 3 руб., бракосочетании – 10 руб., разводе – от 100 до 300 руб.); строительный сбор за выдачу разрешений на постройки; рыночный сбор (5 руб. за день торговли); патентный сбор за выдачу свидетельства на право заниматься ремесленной деятельностью (от 50 до 500 руб.)[3]. Таким образом, обращение в органы местной администрации за любой официальной бумагой было платным.

Оккупация резко ухудшила материальное положение абсолютного большинства граждан, в первую очередь одиноких матерей, инвалидов и пенсионеров. Мизерные зарплаты, пенсии и пособия не позволяли приобретать даже самые необходимые для жизни товары. Не имея средств для помощи нуждающимся и не желая заниматься этой проблемой, оккупационные власти перекладывали ее решение на само гражданское население. Практиковался сбор пожертвований для оказания помощи малоимущим и военнопленным. Немецкие оккупанты могли санкционировать деятельность различных комитетов взаимопомощи. Создание и деятельность в г. Гродно Гражданского комитета помощи жертвам войны (создан 14.08.1941 г.) Э. С. Ярмусик связывает с благотворительной деятельностью католического костела. Комитет осуществлял сбор средств среди граждан и оказывал материальную помощь нуждающимся[4].

Сбор пожертвований в пользу жертв войны «и советского террора» был проведен 30–31 октября 1941 г. в г. Гродно. В опубликованном воззвании к горожанам были обнародованы итоги акции. Из собранных 6127 марок предполагалось с 01.12.1941 по 03.12.1941 г. оказать помощь политическим узникам и их семьям, с 04.12.1941 по 06.12.1941 г. – погорельцам, с 08.12.1941 по 10.12.1941 г. – другим жертвам войны. Пособие предполагалось выдавать в отделе социального обеспечения городской администрации[5]. В декабре 1941 г. Полоцкая районная управа на основании распоряжения немецких властей предписывала Экиманской волостной управе собрать 21 т картофеля для военнопленных концлагеря в Боровухе[6]. Тереховское районное управление 30.12.1941 г. указывало Тереховскому волостному бургомистру, что сбор у населения продуктов питания и одежды для военнопленных Гомельского лагеря организован плохо[7]. Начальник Клецкого района приказал старостам начать сбор у крестьян добровольных пожертвований (зерно, овощи, мясо) для военнопленных-белорусов в лагере в Заельне[8].

Начальники Старобинской районной управы и районного отдела Белорусской народной самопомощи (БНС) в мае 1942 г. обратились к священникам с просьбой провести сбор пожертвований в своих приходах в пользу сирот, вдов, престарелых, инвалидов и беженцев. Сбор пожертвований среди прихожан рекомендовалось произвести в дни религиозных праздников[9]. В октябре 1942 г. Полоцкая районная управа обратилась к гражданам с просьбой пожертвовать одежду для узников дулага[10]. Ориентировочно летом 1943 г. Полоцкая районная управа инициировала сбор пожертвований для граждан, пострадавших от бомбежки, для чего предписывалось привлечь учителей и сотрудников волостных управ[11]. Весной 1943–1944 гг. Полоцкая районная управа обращалась через сельских старост к населению с просьбой собрать максимально возможное количество яиц к празднику Пасхи детям, находящимся в детдоме, чтобы, как отмечалось в обращении районной управы, «и им дать почувствовать возможность праздника св. Пасхи». Одновременно волостным бургомистрам и старостам предлагалось сообщить населению, что детям нечего одевать, и районная управа будет благодарна, «если кто-то пожертвует ненужное ему тряпье»[12].

В апреле 1943 г. среди населения г. Орши городским управлением был проведен сбор пожертвований для сирот, инвалидов и престарелых. С 17.04.1943 по 25.04.1943 г. было произведено вскрытие ящиков

для сбора пожертвований в присутствии начальника административного отдела управы, начальника отдела социального призрения, бухгалтера финансового отдела и начальника отдела народного просвещения. В 10 ящиках с учетом пожертвований служащих городской управы оказалось 12 087 руб. плюс натуральный сбор, который составил 2 пуда муки[13]. 16, 17 и 23 апреля 1944 г. городское управление и комитет самопомощи провели в Орше еще один сбор пожертвований. Школьниками через кружечный сбор было получено 13 406 руб. Церковь отдельно внесла 107 кг ржаной муки и 10 кг мяса[14]. На основании распоряжения фельдкомендатуры в июне 1943 г. администрация Городокского района начала сбор продуктов питания, одежды, обуви и денег в пользу детского дома и инвалидов[15]. Несмотря на тяжелое материальное положение абсолютного большинства населения, некоторые граждане откликались на призыв властей, жертвуя продукты и одежду нуждающимся. Местные власти не всегда могли распоряжаться собранными средствами по собственному усмотрению. Бобруйское городское управление 29.11.1943 г. вынуждено было обратиться к ортскомендатуре за разрешением передать детскому дому пожертвованные горожанами 10 теплых одеял для детей-сирот и эвакуированных[16].

В выпущенном Могилевским городским управлением воззвании к горожанам отмечалось, что в городе имеются дети-сироты и многодетные матери, оставшиеся без своих кормильцев-мужей, которые не могут пойти на работу из-за малых, а нередко грудных детей. Лишенные средств к существованию, они влачат жизнь свою в крайней нищете, голоде и холоде, и в таком же положении находятся престарелые и инвалиды, оставшиеся безо всякой помощи. О том, что наличие таких категорий граждан – результат развязанной нацистами войны, естественно, не упоминалось. Далее говорилось, что большевики «переносят свою месть на ни в чем неповинное мирное население оккупированных областей, сжигая города и селения, взрывая производства, уничтожая производственные базы, обрекая, таким образом, население их на все ужасы существования в опустошенной и разоренной стране». Как пример подобных действий советской власти приводился налет советской авиации на Могилев в ночь с 27 на 28 мая 1943 г., в результате которого «разрушены или сожжены сотни домов мирных жителей, сотни людей убиты или ранены, сотни людей мирного населения лишились своих жилищ, всего своего имущества и достояния и остались на сегодняшний день без крова, одежды и пищи с малыми детьми». В завершение жителей Могилева призывали жертвовать организации «Самопомощь» деньги, продукты питания, одежду, которые будут переданы пострадавшим от бомбардировки. В воззвании апеллировали к христианской морали: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, и вы поступайте с ними также»[17]. Таким образом, городское управление перекладывало решение проблемы помощи пострадавшим на самих же горожан.

О решении социальных проблем за счет гражданского населения видно также из обращения начальника района и бургомистра г. Борисова к жителям города и района. Отмечалось, что в Беларуси осталось много раненых красноармейцев-инвалидов, которые нуждаются в помощи. В создавшейся ситуации глава районной администрации винил советскую власть, которая оставила их в лазаретах. Подчеркивалось, что по сравнению с другими областями г. Борисов менее затронут войной, поэтому «матери, жены и сестры» красноармейцев, находящихся на фронте, призывались откликнуться на обращение администрации и взять в свою семью под опеку инвалида, поскольку, возможно, кто-то где-то окажет помощь и их родным. Районная и городская управы обещали в таком случае оплатить квартиру и оказать помощь семьям, приютившим военнопленных-инвалидов[18].

Материальные ресурсы граждан использовались в интересах вермахта и местной экономики. На основании распоряжения генерального комиссара Беларуси за сданные в Центральное торговое общество сырые шкуры населению обещалась выдача готовой упряжи или кожи для обуви[19]. Жители г. Гродно 24.11.1941 г. были оповещены о введении премиальной системы параллельно обязательной сдаче населением продуктов питания. За сданный немецким властям 1 кг масла обещалась выдача 1 кг сахара и 2 пачек махорки, за каждые 5 яиц – 1 пачка махорки. Действие премиальной системы предполагалось до 01.01.1942 г.[20] В генеральном округе Беларусь с 10.07.1942 по 25.07.1942 г. прошла организованная БНС кампания по сбору сырья для текстильных и бумажных фабрик, которая просила граждан сдать изделия из хлопка, льна, искусственного шелка, пеньки, старую одежду, тряпки, нитки. Фабрика платила за 100 кг сданного сырья 6 марок, но собранные средства шли Белорусской народной самопомощи[21]. На основании распоряжения генерального комиссара Беларуси гражданам предписывалось для нужд вермахта до 26.02.1942 г. сдать имеющиеся лыжи длиной свыше 1,5 м, лыжные палки и седла. Невыполнение каралось как саботаж[22].

В марте 1942 г. генеральный комиссар Беларуси через гебитскомиссаров обратился к населению с призывом собирать и сдавать властям изделия из цветных металлов. Принимались самовары, котлы, дверные вывески, монеты, музыкальные инструменты и множество других предметов. В качестве награды, в отличие от других аналогичных акций, за участие в которых по крайней мере обещалось материальное вознаграждение, за сдачу цветных металлов обещалась выдача свидетельства о том, что сдатчик приобщился «к победе и обеспечению будущего своего края»[23]. Речицкий гебитскомиссар в письме к начальникам районной администрации 11.06.1943 г. констатировал трудности в ходе сбора цветных металлов и рекомендовал выдавать сборщикам премию в виде 1 кг соли за 10 кг собранного металла[24].

Немецкие оккупационные власти обеспечивали за счет гражданского населения потребности в теплой одежде для вермахта, солдаты которого столкнулись с непривычными климатическими условиями. На основании распоряжения немецкого командования от 18.12.1942 г. на территории Лепельского округа началась заготовка валенок, шерсти и овчин для вермахта. Поскольку изъятие этой продукции производилось сотрудниками полиции, часть валенок и овчин была конфискована ими в свою пользу, в результате чего некоторые волости не выполнили поставки в полном объеме. В разное время население принуждалось также сдавать для нужд вермахта колючую проволоку, сани, конский волос[25]. Полоцкая ортскомендатура потребовала от волостных бургомистров до 30.12.1941 г. сдать от каждой волости по 50 пар перчаток, 20 пар меховых перчаток, 30 меховых пальто, 30 полушубков, 20 меховых жилеток, 50 меховых шапок, 50 ватных брюк, 50 шерстяных шарфов, 50 пар валенок и 10 пар меховых валенок. Вместо шуб и полушубков разрешалось сдавать овчины[26]. Осенью 1942 г. у крестьян Экиманской волости было реквизировано 367,5 кг шерсти, 145 меховых полушубков, 16 меховых шапок, 25 ватных брюк, 100 пар валенок и другие теплые предметы[27]. В июле 1943 г. сельскохозяйственный руководитель Полоцкого района требовал от крестьян сдать на склад ЦТО по 500 г шерсти с каждой овцы под угрозой конфискации животного[28].

Ссылаясь на соответствующее распоряжение Столинского гебитскомиссара, Столинская районная управа 31.12.1941 г. начала сбор у населения теплой одежды для вермахта, пытаясь вслед за немецкой администрацией воздействовать на сознание гражданского населения, объясняя важность проводимой акции: «Все, как один человек, должны понимать, что просидеть в теплой хате можно и без кожуха и что наш народ не может оценивать свою будущую жизнь по стоимости кожуха. Наш украинский народ не должен занимать в этом деле последнее место среди всех народов Европы. Поэтому мы должны как можно лучше и как можно быстрее выполнить этот почетный долг, возложенный на нас историей»[29]. В распоряжении коменданта д. Смольяны относительно сдачи теплых вещей ни о какой добровольности речи уже не шло и категорически отмечалось, что каждая семья имеет право оставить себе только полушубок, пару валенок, пару рукавиц, остальное немедленно сдать волостному управлению и далее Оршанской ортскомендатуре. Исключение составляли бургомистры и председатели колхозов, которым позволялось носить полушубки, валенки и рукавицы. Советские военные полушубки предписывалось сдать до 31.01.1942 г. под страхом обыска полицией и военного суда[30].

Осенью 1941 г. началось изъятие у населения военного имущества, 01.10.1941 г. в результате проведенной тереховским волостным бургомистром и начальником полиции проверки у гражданина, подозреваемого в воровстве продуктов у соседа, было обнаружено немецкое военное имущество: кинжал, два ремня, сумки, хомут. Найденные предметы были конфискованы, а гражданин арестован и передан немецким властям[31]. Гражданам, сдавшим или указавшим комендатуре или воинской части место нахождения оружия, боеприпасов или военного снаряжения, обещалась выдача вознаграждения: за винтовку – 10 руб., пистолет-пулемет – 15, пулемет – 40, повозку – 60, противотанковое орудие – 80, орудие – 100, боеприпасы (за 50 кг) – 2, орудийные гильзы (за 50 кг) – 20, бензиновые бочки, канистры и другие емкости (за 50 кг) – 10 руб. Если оружие и снаряжение сдавались в поврежденном состоянии, вознаграждение выплачивалось частично[32]. В объявлениях о выплате вознаграждения за сдачу оружия и военного снаряжения обещалась конфиденциальность в отношении граждан, заявляющих о нахождении где-либо подобного имущества. Помимо денежных выплат предполагалась выдача махорки, спирта и соли[33]. Койдановский ортскомендант в обращении к населению района 25.01.1943 г. предлагал собрать оружие и амуницию за вознаграждение в виде махорки. Винтовка оценивалась в 5 пачек махорки, автоматическая винтовка – 10, автомашина, мотоцикл – 30, легкое орудие – 25, тяжелое орудие – 20, патроны различных калибров – 2 пачки за 50 кг, артиллерийские гильзы и снаряды из меди – 4 пачки за 50 кг, 50-литровая бочка из-под бензина – 2, телефонный аппарат – 1, другие средства связи – 3. В качестве альтернативы махорке обещалась выдача водки[34].

По приказу Гомельской комендатуры Чечерское районное управление 21.05.1942 г. потребовало от волостных бургомистров собрать у населения тару для горючего и покрышки, оставшиеся от советской и немецкой армий. За покрышку или бочку из-под горючего в зависимости от степени пригодности к эксплуатации обещалось вознаграждение 0,5–1,0 кг гречихи, а активным сборщикам – еще и махорка[35].

Полоцкая районная управа 16.07.1943 г. уведомила волостных бургомистров о начале сбора оружия и амуниции, которые следовало передавать в ортскомендатуру. Сдавшим оружие лицам обещалась премия в виде махорки, водки и соли, лицам, имевшим и не сдавшим оружие или снаряжение, угрожало лишение свободы[36]. Неудачи вермахта на фронте и, как следствие, нехватка амуниции повлекли издание в сентябре 1943 г. распоряжения немецких властей, обязывавшего граждан собрать каски и шлемы с крестов солдатских могил и сдать их в ортскомендатуру[37]. В октябре 1943 г. Полоцкая районная управа распорядилась собрать у граждан проволоку[38]. В январе 1944 г. в Лунинецком районе начался сбор венгерскими военнослужащими у населения колючей проволоки. Обещалась выдача квитанции с указанием количества реквизированного[39].

К сбору имущества, приобретенного гражданами в период боевых действий, привлекались сотрудники полиции, что приводило к злоупотреблениям с их стороны. В 1942 г. Полоцкая городская управа

констатировала, что, по имеющимся сведениям, полиция в ряде волостных управ проводит обыски у граждан, изымая имущество, добытое в период военных действий, и продает его с торгов при волостных управлениях, и требовала передачи такового имущества на склад в Полоцк[40].

В условиях дефицита промышленных товаров пользование предметами военной амуниции могло быть единственным выходом для многих граждан, поэтому многочисленные распоряжения оккупационных властей относительно их изъятия не давали эффекта. Сотрудники оккупационной администрации это осознавали и шли на некоторые послабления. Начальник Бобруйского района в письме к начальнику районной полиции 14.09.1943 г. сообщал, что на основании распоряжения германского командования населению разрешено оставить предметы германского обмундирования ввиду невозможности в большинстве случаев заменить их на гражданскую одежду. В то же время подтверждался запрет на пользование предметами военного снаряжения (котелки, пояса, каски, фляги и пр.), которые подлежали изъятию[41].

Нацистская оккупация привела к резкому ухудшению материального положения гражданского населения, испытывавшего дефицит продуктов питания и промышленных товаров, платившего ряд денежных и натуральных налогов, исполнявшего обязательную трудовую повинность, подвергавшегося насилию и ограблению. Одновременно оккупационными властями был создан механизм выкачивания у населения и без того скудных материальных ресурсов через всевозможные добровольно-принудительные сборы пожертвований денег, продуктов, одежды или путем реквизиции материальных ценностей. Таким образом, обеспечение доведенных войной до бедственного состояния лиц перекладывалось на само же гражданское население.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 См.: Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя [и др.]. Минск, 2005 ; Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск, 2010. Кн. 1 ; Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск, 2010. Кн. 2.
2 См.: Государственный архив Гомельской области (ГАГом). Ф. 1336. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.
3 См.: Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 2088. Оп. 1. Д. 71. Л. 15–16.
4 См.: *Ярмусик Э. С.* Католический костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945) : монография. Гродно, 2002. С. 102–104.
5 См.: Государственный архив Гродненской области (ГАГр). Ф. 16. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.
6 См.: ГАВт. Ф. 2825. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
7 См.: ГАГом. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
8 См.: Государственный архив Минской области (ГАМн). Ф. 1540. Оп. 1. Д. 31. Л. 25 об.
9 См.: Минская область в документах и материалах / сост. Е. А. Гребень, В. М. Матох. Минск, 2013. Вып. 3 : Оккупация, 1941–1944 гг. С. 84–85.
10 См.: ГАВт. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1. Л. 168.
11 Там же. Д. 3. Л. 68.
12 Там же. Д. 4. Л. 23.
13 См.: ГАВт. Ф. 2074. Оп. 2. Д. 93. Л. 13, 18, 20.
14 См.: ГАВт. Ф. 2074. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.
15 См.: ГАВт. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 9. Л. 47.
16 См.: Государственный архив Могилевской области (ГАМг). Ф. 858. Оп. 3. Д. 1. Л. 46.
17 ГАМг. Ф. 260. Оп. 1. Д. 163. Л. 57.
18 См.: ГАМн. Ф. 635. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.
19 См.: ГАГр. Ф. 660. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
20 См.: ГАГр. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 95.
21 См.: ГАВт. Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.
22 См.: ГАБр. Ф. 684. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.
23 Там же. Л. 35–36.
24 См.: ГАГом. Ф. 1326. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.
25 См.: ГАВт. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.
26 См.: ГАВт. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 7.
27 Там же. Д. 1. Л. 179.
28 Там же. Д. 3. Л. 2.
29 ГАБр. Ф. 2138. Оп. 1. Д. 2 А. Л. 54.
30 См.: ГАВт. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
31 См.: ГАГом. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 14 об.
32 См.: ГАВт. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1. Л. 12 об.
33 Там же. Л. 59.
34 См.: ГАМн. Ф. 681. Оп. 1. Д. 4. Л. 127.
35 См.: ГАГом. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
36 См.: ГАВт. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 3. Л. 88–89.
37 Там же. Д. 3. Л. 136.
38 Там же. Д. 3. Л. 161.
39 См.: ГАБр. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 38. Л. 30 об.
40 См.: ГАВт. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
41 См.: ГАМг. Ф. 860. Оп. 1. Д. 21. Л. 37.

Поступила в редакцию 05.12.2014.

Евгений Александрович Гребень – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории агромеханического факультета Белорусского государственного аграрного технического университета.